

В: Цейтлин С.Н. и др. (ред.): *Онтолингвистика. Некоторые итоги и перспективы.* С-Пб, 19-25

Таня Анштатт (Тюбинген)

Лексические и грамматические особенности русской речи детей-билингвов в Германии (на примере рассказов в картинках)

Введение

Данная статья посвящена особенностям русской речи 14 детей-билингвов, живущих в Германии и говорящих на русском и немецком языках. Их язык исследуется на примере рассказов в картинках и сравнивается с речью русских детей-монолингвов.

Освоение языка в условиях двуязычия является областью, внимание к которой в последнее время увеличивается (Батиа/Ричи 2004, Протасова 2001, 2004, Шмитт 2000, Рингблом 2004, Еливанова 2004, Дизер рукопись и др.).

Самым острым в связи с развитием детского билингвизма является вопрос о взаимоотношении между двумя языковыми системами. Во-первых, если встречается влияние одного языка на другой – то по каким причинам? Можно ли сказать, что ребенок не умеет различать оба языка, или надо объяснить это влияние как интерференцию? И если это интерференция, то является ли она систематической или только случайной (интердепенденция или автономия)? Во-вторых, какую роль играет позиция языка (сильный – слабый язык, равновесие между языками)? Мало пока известно о том, может ли влиять и слабый язык на сильный, а не только наоборот. Данная статья пытается внести вклад в понимание этих проблем. Именно систематическое сравнение детей-билингвов с детьми-монолингвами, по наблюдениям Майзела (2004), пока является очень редким.

Материал

Материалом эксперимента являются рассказы в картинках без слов, а именно так называемая «История о лягушке» («Frog story»), хорошо известная в онтолингвистике. Существует обширный материал, который мы можем использовать с целью сравнения языковых способностей одно- и двуязычных детей. Рассказы были записаны в ноябре 2005 г. в Мюнхене в двуязычном детском саду (возраст детей – от четырех до пяти лет). По типу освоения двух языков дети делятся на две группы. У 7 детей первой группы мать русскоязычная, а отец – немец, т.е. с рождения у этих детей имеется инпут на обоих языках. Оба родителя 7 детей второй группы русскоговорящие, и эти дети осваивают немецкий язык в основном в детском саду, т.е. к началу проведения нашего эксперимента примерно в течение одиннадцати месяцев (в январе 2005 г. в детском саду было введено двуязычие).

Сравнительным материалом служат рассказы тридцати детей-монолингвов: 7 пятилетних, 21 шестилетних и 2 семилетних. Так как эти дети в основном старше, чем дети-билингвы, для сравнения количественных характеристик использовались только записи речи пятилетних монолингвов и билингвов. Дополнительно была привлечена литература об освоении языка одноязычными детьми.

Вопросы

В дальнейшем обсуждаются следующие вопросы: 1. Каковы лексические и грамматические особенности речи детей-билингвов в сравнении с детьми-монолингвами? 2. В какой мере можно объяснить эти особенности влиянием немецкого языка? 3. Какие различия обнаруживаются между двумя группами детей-билингвов? Заметно ли влияние немецкого и у тех детей, которые осваивают немецкий только в течение одного года?

Лексика

Хорошо известен тот факт, что дети-билингвы по сравнению с одноязычными ровесниками располагают меньшим запасом слов (ср. Хоффманн 1991). В первую очередь это связано с тем, что дети-билингвы в каждом языке получают меньше инпута, чем монолингвы. При помощи «type-token-ratio» можно показать, что в рассказах пятилетних мюнхенских детей разнообразие словаря меньше, чем у пятилетних одноязычных детей: у билингвов среднее «type-token-ratio» – 0,360, а у монолингвов – 0,413. Так, двуязычные пятилетние дети чаще, чем одноязычные, употребляли слова «дырка» вместо «дупло» или «нора», «звери» вместо «пчёлы», «выйти» вместо «вылезти» и т.д.

Рассмотрим подробнее особенности лексики детей-билингвов на примере слова «банка». Важную роль для начала истории играет жилище лягушки. Почти все дети-монолингвы (29 из 30) называют этот сосуд «банкой». Как показывают дневники Гвоздева (1961) и Протасовой (неопубл.), это слово усваивается детьми-монолингвами очень рано, до двух лет. Среди детей-билингвов исследуемого корпуса 8 не употребляют слова «банка» (5 из первой группы, 3 из второй). В качестве заменительных стратегий можно назвать следующее: 1. употребление указательных местоимений. Эта классическая заменительная стратегия вообще употребляется часто: формы местоимения *этот* представляют почти 7% всех слов, употреблённых пятилетними детьми-билингвами, в то время как частотность этого слова у пятилетних детей-монолингвов – только два процента; 2. перифраз: (1) *Лягушка внутри, и он видит её внутри*. (1 группа, возраст 5;4); 3. употребление другого слова для обозначения данного предмета: у 8 детей встречается по одному из следующих слов: *бутылка, аквариум, ведёрко, бассейн, чашка*; 4. трое детей называют жилище лягушки «стекло», что можно объяснить как семантическое калькирование немецкого слова «Glas», обозначающего как материал, так и изделие из этого материала. Интересен тот факт, что эта семантическая калька встречается и у одной девочки из второй группы, которая, кроме этого, употребляет и слово «банка».

Наиболее часто лексическое влияние немецкого языка на русский проявляется в употреблении некоторых функциональных слов. В то время как дети-монолингвы начинают описание новой ситуации союзом *a потом*, дети-билингвы предпочитают или *и потом*, или *и тогда*. Это не является ошибкой в узком смысле слова: обе формы встречаются и в речи детей-монолингвов. Заметна, однако, частотность указанных форм у детей-билингвов (44 раза, притом 40 раз у детей первой группы).

Так называемое смешение кодов в мюнхенском корпусе встречается крайне редко, а именно только у 2 детей (одного из каждой группы) по одному разу. По-видимому, дети избирательны в выборе языка и очень хорошо справляются с задачей общения исключительно на одном языке.

Морфология

У детей-билингвов встречаются только такие отклонения от нормы, которые типичны для детской речи как таковой (см.: Гвоздев 1961, Цейтлин 1988, Лепская 1997): *каменя* вместо *камня*, *возмил* вместо *взял*; *в окошку* вместо *в окошко* и т.п. Интересна здесь,

однако, частотность морфологических ошибок: дети-монолингвы и дети-билингвы второй группы в среднем делают одну ошибку на двести слов. Дети-билингвы первой группы вдвое чаще совершают такие ошибки (одна ошибка на сто слов). Из этого можно сделать вывод о том, что одновременное освоение двух первых языков является причиной небольшой задержки развития морфологии.

Морфосинтаксис

В области морфосинтаксиса заметны некоторые грамматические особенности, для которых крайне правдоподобным является прямое влияние немецкого языка. В качестве типичного примера можно привести управление. У детей-билингвов 16 раз, т.е. довольно часто, встречается употребление беспредложного винительного падежа вместо конструкции с предлогом, ср.: *мальчик он залезает дерево* (1 группа, 5;0) вместо «залезает на дерево». Явна здесь аналогия с управлением немецкого глагола *hinaufklettern* + вин. пад. Конструкция *залезть* + беспр. вин. пад. встречается только у детей первой группы.

Особенно часто, а именно у 7 разных детей-билингвов, притом у детей обеих групп, встречается конструкция с беспр. вин. пад. с глаголом *смотреть*, ср., напр.: *Здесь он смотрит лягушку* (2 группа, 5;0). В этом случае также можно предположить влияние соответствующей немецкой конструкции. Однако конструкция *смотрит лягушку* встречается и у двух детей-монолингвов. Следовательно, данное отклонение от нормы у детей-билингвов является сверхпродукцией структуры, которая встречается и при монолингвальном освоении языка.

Другая особенность русской речи детей-билингвов состоит в частотности ошибок в родовом согласовании: женские существительные *собака* и *лягушка* употребляются с соотносящимися формами мужского рода. Ср., напр.: *Здесь он ищет эту лягушку, а собачка застряла в банке. [...] Здесь они так кричали, что он упал.* (2 группа, 5;10), где последние слова относятся к собачке. Это отклонение встречается всего 23 раза у 9 детей обеих групп, а особенно часто (6 раз) у одной девочки второй группы. Интересен тот факт, что подобные ошибки совершают и дети-монолингвы, но очень редко: в 30 рассказах всего 3 раза у 3 детей. Выбор мужского рода для существительных женского рода, с одной стороны, можно объяснить тем, что мужской род не маркирован. С другой стороны, для детей-билингвов можно предположить, что за высокочастотность этого отклонения ответственно также влияние немецкого языка: как слову «собака», так и слову «лягушка» в немецком соответствуют мужские эквиваленты (*der Hund, der Frosch*).

Порядок слов

Самым типичным порядком слов в речи детей (и билингвов, и монолингвов), является последовательность подлежащее – глагол – второй актанта, который для русского языка считается немаркированным (Siewierska / Uhlířová 1998). Однако у детей-билингвов в нередких случаях выступает порядок слов подлежащее – второй актанта – глагол, ср.: *А потом он свою лягушку нашёл* (1 группа, 4;10). Сравнивая эти предложения с их немецкими эквивалентами, мы обнаруживаем сходство порядка слов. Кроме этого, у билингвов встречается и конструкция, где второй актанта находится между вспомогательным глаголом и инфинитивом, при этом аналогия с немецкой конструкцией (так называемая «глагольная скобка») еще более очевидна. Ср.: *потом они хотели лягушку найти* (1 группа, 5;0); *тогда не может бутылку достать* (1 группа, 5;4). У детей-монолингвов такой порядок слов не обнаружен, и в языке взрослых он является маргинальным. Эти два типа порядка слов встречаются почти у всех детей-билингвов обеих групп с исключением по одному ребенку из каждой

группы. Особенно часто (свыше 5 раз) они встречаются у 3 детей первой группы, по 4 раза они употребляются у 2 детей первой и 1 ребенка второй группы.

Влияние немецкого в синтаксическом и морфосинтаксическом плане может быть взаимообусловленным, т.е., если есть одно влияние, то вырастает правдоподобность появления и другого. В следующем примере налицо три проявления интерференции: подражание немецкой глагольной скобке, инверсия (вспомогательный глагол предшествует подлежащему) и беспредл. вин. пад.: *a потом хочет собачка дереву залезть* (1 группа, 4;0). В целом это предложение производит впечатление немецкой структуры с русскими словами.

Итоги

Языковые особенности, отличающие исследованных детей-билингвов от монолингвов на лексическом уровне, проявляются в том, что у детей-билингвов запас слов меньше, что приводит к применению заменительных стратегий. На грамматическом уровне прежде всего бросается в глаза более частое по сравнению с одноязычными детьми отклонение от нормы. Качественных отличий от детей-монолингвов, однако, обнаружено мало.

Что касается влияния немецкого языка, то интересен тот факт, что оно практически не проявляется в материальном плане. Главная сфера влияния – нематериальная, структурная, т.е. воздействие на значения слов, морфосинтаксические структуры и на порядок слов. Главное явление – сверхпродукция под влиянием немецкого. Во-первых, обнаруживается сверхпродукция таких структур, которые в русском языке являются возможными, но периферийными. Во-вторых, можно говорить о сверхпродукции типичных инноваций детской речи. Структуры, совершенно недопустимые в русском нормативном языке и в русской детской речи, наблюдаются довольно редко.

Для детей первой группы, с двумя первыми языками, характерно гораздо более частое и разнообразное влияние немецкого языка, чем у детей второй группы. У детей второй группы, осваивающих немецкий как второй язык, влияние немецкого прежде всего выражается в сверхпродукции периферийных русских структур или в сверхпродукции отклонений, типичных для детской речи.

Итак, по количеству отклонений в русской речи дети обеих групп образуют континуум. Дети с наивысшим числом отклонений относятся к первой группе, дети с наименьшим числом – ко второй. В середине этой шкалы находятся некоторые дети обеих групп. Это значит, во-первых, что одновременное освоение двух языков не обязательно ведет к заметному влиянию какого-либо языка на другой, а во-вторых, что при освоении второго языка (хотя и являющегося слабым языком) его влияние может начаться довольно рано.

Литература

- Bhatia, T.K. / Ritchie, W.C. (eds.) 2004. The Handbook of Bilingualism, Malden (MA).
Childes <http://childes.psy.cmu.edu>
Hoffmann, Ch. 1991. An introduction to bilingualism, London.
Meisel, J.M. 2004. The Bilingual Child, in: Bhatia, T.K. / Ritchie, W.C. (eds.): The Handbook of Bilingualism, Malden (MA), 91-113.
Protassova, E. 2005. Sprachkorrosion: Veränderungen des Russischen bei russischsprachigen Erwachsenen und Kindern in Deutschland. In: Meng, K. / Rehbein, J. (eds.). Kinderkommunikation – einsprachig und mehrsprachig, Münster, 259-292.
Schmitt, E. 2000. Overt and covert codeswitching in immigrant children from Russia, in: The International Journal of Bilingualism 4/1, 9-28.

Siewierska, A. / Uhlířová, L. 1998. An Overview of word order in Slavic languages, in: Siewierska, Anna (ed.) (1998): Constituent order in the languages of Europe. Berlin/New York, 105-149

Дизер Е. Освоение категории рода в рамках детского дву- и трехязычия. Рукопись.

Гвоздев А.Н. Вопросы изучения детской речи, М. 1961.

Гвоздев А. Н. От первых слов до первого класса. Дневник научных наблюдений, Саратов, 1981.

Еливанова М.В. Раннее двуязычие и гипотеза созревания мозга // Детская речь как предмет лингвистического исследования. Материалы международной конференции. - СПб, 2004. С. 15-17.

Лепская Н.И. Язык ребенка, М., 1997.

Рассказы русских детей (по серии картинок «Frog where are you?»). Звучащая хрестоматия, (= Бюллетень фонетического фонда русского языка, приложение 10). Пермь/Бохум, 1999.

Протасова Е. Становление общения в ситуации двуязычия // Ребенок как партнер в диалоге. Труды постоянно действующего семинара по онтолингвистике-2, СПб. 2001. С. 155-174.

Протасова Е. Рассказывание на русском языке в ситуации двуязычия // Проблемы экспериментальной лингвистики и онтогенеза речи. К 60-летию А.М. Шахнаровича, М., 2004. С. 112-124.

Протасова Е. Дневник. Речевое развитие Вари на втором и третьем годах жизни. Рукопись.

Рингблом Н. Типичные ошибки русско-шведских двуязычных детей // Детская речь как предмет лингвистического исследования. Материалы международной конференции СПб., 2004 -С. 229-231.

Цейтлин С.Н. Окказиональные морфологические формы в детской речи. Учебное пособие к спецкурсу, Л., 1988.